

Томский государственный университет
Российский фонд фундаментальных исследований

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ
И ФИЛОСОФИИ

Сборник научных статей
по материалам Всероссийской научной конференции,
проведенной философским факультетом
Томского государственной университета
25-26 мая 1999 г.

Издательство «ВОДОЛЕЙ»
ТОМСК — 1999

ЛИТЕРАТУРА

1. Мандельштам Л. Лекции по теории колебаний. М.: Наука, 1972
2. Гильберт Д. Математические проблемы: Речь на II Международном математическом конгрессе // Сб. Жизнь науки. М.: Наука, 1973.
3. Планк М. Единство физической картины мира. М.: 1966.
4. Степин В.С. Проблема аксиологического базиса современного естествознания // Вопросы философии 1999 №3
5. Рабинович В. Л. Выступление на заседании круглого стола журнала «Вопросы философии» // Вопросы философии. 1999 №3
6. Лук Н. Психология творчества. М.: 1978.

И. В. ЧЕРНИКОВА

Социогуманитарные ориентиры как фундаментальная стратегия современного научного знания

Наука всегда являлась важнейшей компонентой культуры, и всегда ее развитие было и остается скорректировано с развитием общества. Так, на этапе становления западноевропейской науки в XVI–XVII вв. наука отвечала по меньшей мере двум социальным функциям: первая более известная, наука как метод, с помощью которого человек покорял природу, пространства, осваивал новые земли в период перехода к капиталистическому способу производства; вторая — наука как средство консолидации общества в период, когда церковь переживала раскол (Лютер и реформация, усиление светской власти...) нужна была идея, способствовавшая объединению в обществе. Таковой выступила идея универсализма научного знания, согласно которой научное высказывание не зависит ни от вероисповедания субъекта, ни от положения в обществе. Это была важнейшая социогуманитарная установка, определившая тип научного знания, сформировавшегося в XVI–XVII вв. — в конкретный исторический период, в ситуации борьбы со схоластическим мировидением, исчерпавшим себя.

Итак, наука возникала как социальная подсистема капиталистического общества, которое и задавало ей социальную форму развития, определяемую «системой всеобщей полезности». Возникнув, наука становится относительно самостоятельным видом духовного производства. «Хитрость» науки состояла не только в том, что она превратилась в средство господства над природой, но в еще большей степени в том, что она сумела встать над другими культурами в качестве господствующей силы.

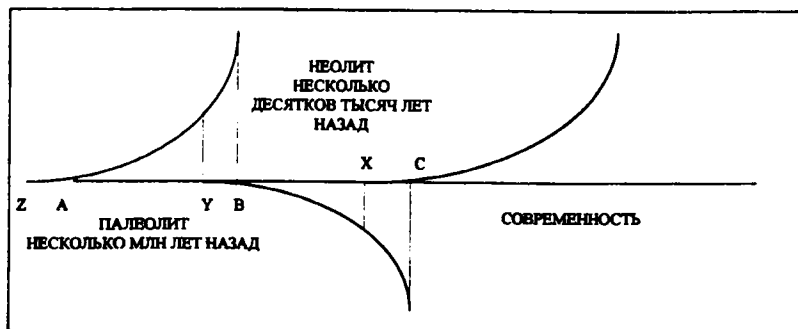
Идея преобразования мира и подчинения человеком природы была доминантой в культуре техногенной цивилизации на всех этапах ее истории, вплоть до

нашего времени. Техногенная цивилизация рождается, когда ядром, доминантой цивилизационного развития становится наука. Это особый тип социального развития, — считает В. С. Степин, — и особый тип общества, который вначале возник в европейском регионе вследствие ряда мутаций традиционных культур, а затем начал осуществлять свою экспансию на весь мир. Ценностью в таком обществе становится сама инновация. Техногенная цивилизация в самом своем бытии определена как общество, постоянно изменяющее свои основания. В известном смысле, замечает автор, ее символом может считаться Книга рекордов Гиннеса [4. 31–34]. Техногенная цивилизация имела свои достижения, в ней утвердилась идея прогресса, демократии, свободы, личной инициативы... Все это обеспечивало рост производства, но, как справедливо начали отмечать философы еще в XIX в., переросло в потребительство. Н. Федоров писал, что человеку приходится работать на цивилизацию, его же поработавшую. Современные авторы указывают на потребление как основную ценность техногенной культуры, что человек работает уже не для наслаждения жизнью, но ради самого заработка, накапливая капитал.

Наконец, третья идея, отличающая техногенную культуру, — это идея демаркации между миром человека и миром природы, она служила мировоззренческим основанием техногенной культуры. Одновременно западноевропейская наука покоилась на картезианско-ньютоновском каркасе мира.

Современная эпоха характеризуется как эпоха цивилизационного сдвига, эпоха глобального цивилизационного кризиса. Есть разные оценки самого кризиса — оптимистическая, как естественного явления смены культур, как «конца истории» и как краха цивилизации, поскольку глобальный цивилизационный кризис современности имеет такую важнейшую составляющую, как глобальный экологический кризис. Но, несмотря на различия в оценке кризиса, есть объединяющая их позиция. Сходятся во мнении, что те многочисленные кризисы, с которыми встретилось человечество, есть проявления единого общего кризиса, знаменующего исчерпанность целой фазы антропогенеза — неолитической фазы развития человечества, приведшей к вытеснению органически целостного отношения «Человек — Мир» его вырожденной формой «Субъект — Объект». Поэтому никакими технологическими средствами преодолеть его невозможно, поскольку это кризис самого технологического отношения к миру.

Приведем одну из наиболее интересных, на наш взгляд, моделей антропогенеза, где цивилизационное развитие, развитие биосферы оказывается скорректированным естественным образом с развитием психики, сознания, личностного «Я». Это модель антропогенеза, предложенная А. С. Арсеньевым [1], где современность рассматривается как этап антропогенеза столь же революционный для человечества, каким был переход от эволюции биологического существа к эволюции разумного в эпоху верхнего палеолита. В эволюционной шкале человечества автор выделяет три основных этапа: палеолит, неолит и современность и соответствующие им шесть критических точек:

Три из них связаны с изменениями в сознании (точки Z, Y, X) и внешне не выражены в каких-либо событиях. Три другие (точки A, B, C) связаны с эпохальными событиями для антропогенеза.

Z — вспышка рефлексии трансцендирования;

A — начало превращения обезьяноподобного существа в человека (несколько млн. лет назад);

B — неолитическая революция, переход к формированию неорганического тела общества (несколько десятков тысяч лет);

Y — внешне не выраженная эпоха изменения сознания, психики, возможно связанная с появлением кроманьонца;

C — внешне выраженный кризис неолита, глобальный кризис современности;

X — возникновение христианства, изменения в сознании, ориентирующие на саморазвитие человека теперь уже как духовного существа.

Согласно гипотезе А.С. Арсеньева, новый виток антропогенеза начинался и в палеолите, и в неолите с изменений в психике и сознании, и затем уже проявлялся во внешних цивилизационных событиях. Так и современный глобальный кризис — это внешне проявленный через экологию эволюционный феномен, который имел свое начало в рождении христианства, связан с пробуждением личностного «Я», эволюцией духовности. «Современный кризис — это кризис, связанный с завершением неолитической фазы развития человечества, фазы, приведшей к вытеснению органически целостного отношения «Человек — Мир» его вырожденной формой «Субъект — Объект» [1. 142].

Наука являлась на протяжении трех столетий той вырожденной формой познавательного отношения человека к миру. Для науки бытие сущего дано в его предметности, выраженной через теорию. Наука — теория действительного, по М. Хайдеггеру. Наука коренится и вместе с тем специализируется в проектах определенных предметных сфер. К. Ясперс отмечал, что природный процесс предстает наблюдателю как таковой только в горизонте общей схемы. Понимание науки как теории действительного, как объективного отображения действитель-

ности было удовлетворительным до известных событий, составляющим которых стал и экологический кризис современности. Но с ними возник вопрос, что есть действительность, что есть объективность? Научная рациональность была поставлена под сомнение.

Рассмотрим, как переосмысление научной рациональности обусловлено экологическим кризисом. «Если наука выступает сегодня в качестве синонима рациональности, а научно организованные технологии приводят нас к экологическому кризису, то какой же смысл вкладывается в идею рационального природопользования? Нерациональная рациональность науки и порожденный ею образ природы–машины требует дополнительных пояснений. Новый идеал рациональности связан с разработкой технологии отношений к природе как существу» [6. 15]. Новая постнеклассическая рациональность связана с пониманием реальности как самоорганизующейся, спонтанной, темпоральной, с высокой социально–практической ориентированностью как специфической особенностью современной научности.

Переосмысление познавательных стратегий науки с объяснения на понимание, от сущности к существованию определяется более глубинными изменениями в ментальности — ориентация не на силу, а на мудрость, не на покорение, а на диалог, козволюцию. Таковы стратегии современного цивилизационного развития — на смену концепциям техносферы приходит концепция ноосферы. Лозунги техногенной культуры: «знание — само по себе сила», «природа — не храм, а мастерская» ... вытесняются новой экологической ориентацией на козволюцию человека и природы. Такая установка сознания позволила в качестве одного из основных законов цивилизационного развития осознать так называемый закон эволюционных корреляций о зависимости силы мудрости и выживания: чем мощнее технология, тем более качественные средства сдерживания необходимы для сохранения социальной системы.

Известный призыв К. Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить» в наше время преобразован: «Люди лишь различным образом изменяли мир, но дело заключается в том, чтобы его сохранить» (В. Кутырев).

Начавшаяся трансформация техногенной цивилизации связана с поворотом к духовности, с учетом козволюции человека и природы (Н.Н. Моисеев), с отношением к иному как к моменту меня самого (М.М. Бахтин), с пониманием необходимости многообразия культур и живых существ, диалога между ними, к системной самоорганизации (И.Р. Пригожин), к сопереживанию чужих проблем и чужой боли, умению в ходе дискуссии не победить противника, но встать на его точку зрения, посмотреть на себя с этой иной точки зрения [3]. Наука является одним из самых важных участников начавшегося «цивилизационного сдвига», поскольку она является ядром техногенной культуры. Однако не безосновательны опасения тех, кто считает, что наука сама по себе не способна сделать паузу и бросить взгляд, куда она идет, что разуму необходима «герменевтическая прививка» (П.Рикер).

Особенность анализа глобального кризиса русскими авторами в том, что они связывают культурно-антропологический кризис с анализом постмодернизма. Так, у В. Кутырева, Н.Н. Моисеева, К.Х. Делокарова постмодернизм — это феномен превращения культуры в «текстуру», это не только идеология конца субъекта или атомарного индивида, но это путь человечества к потере себя, к постчеловеку.

Как видим, у современных авторов при имеющихся различиях в подходах нет разногласий в одном, в техногенной культуре наука — это не только теория, не только метод, это одновременно идеология социального развития, это участник культурно-антропологического развития. Это значит, что присущие науке социогуманитарные ориентиры как факторы ее внутренней самоорганизации, которые не исчезали, но были преданы забвению и отброшены во времена голого методологизма позитивистской философией науки, сегодня становятся доминантами не только собственно научного развития, сегодня вообще бессмысленно говорить о собственно научном развитии в отрыве от ценностных ориентаций научного знания.

Современная постнеклассическая наука ориентирована на описание так называемых «человекомерных» объектов, таких как биосфера, ноосфера, экологические системы, ее реальность — сеть взаимосвязей, включающая человека. Отсюда особая социальная и политическая ориентированность постнеклассической науки. Как отмечает И. Пригожин, сегодня отпала необходимость дилеммы — либо наука как новый технологический логос, но в углубляющемся противопоставлении человека и природы, либо концептуальное единство «Человек — Природа», но в чуждой ей, иррациональной форме. Сегодня наука выполняет универсальную миссию, затрагивающую отношения между человеком и природой и человека с человеком.

Императивы времени таковы, что в современной версии философии науки человек выступает не только как физический агент, не только как субъект или как часть экспериментальной ситуации, но как цель. В этом контексте формируется постнеклассическая рациональность. В синергетической парадигме — ядре постнеклассической науки, закладывается новая стратегия управления. Идеи нестабильности, нелинейности, проникая в социальные науки, приводят к пониманию того, что в лишившемся гарантий мире нет и не может быть ни области, ни позиции, которая позволила бы управлять, не будучи вовлеченной в общий процесс. В этой ситуации стратегия «управлять не управляя» означает не отказ от деятельности вообще, а «мудрое деяние», основанное на диалоге, терпимости, ненасилии.

Современная наука несет в себе некий общественный проект, стержнем которого являются этика ненасилия, экологизация мышления, коэволюционная стратегия. Р. Рорти высказывается в том смысле, что социальное значение науки заключается прежде всего в реализации демократических ценностей. Такие философы, как Рорти, Адорно, Апель, Хабермас и др., разработали прагматическую теорию истины в противоположность объективистской концепции истины. Праг-

матическая истина как истина, выстраданная в человеческой истории, как ценность, в отличие от идола — непреложной нормы. Так, Дьюи, стоящий у истоков американского философского прагматизма, полагает, что истина также тесно связана с «общественностью», как «логическое» на самом деле всегда является «диалогическим».

Наконец, самый сильный аргумент в пользу социогуманитарных ориентиров как фундаментальных стратегий современного научного знания, то, что называют экологической ментальностью. Это сегодня уже реальность, представленная не только феноменом экологизации мышления, но и существованием вполне осязаемой социально-политической силы — экологического движения. Рассмотрим, что представляет собой эта новая реальность, обозначенная как феномен экологического мышления и инвайроментализм.

Экологизация науки и инвайроментализм

Экология — изначально понималась как наука об окружающей среде. Причем среда воспринималась как нечто внешнее по отношению к познающему субъекту. Задача современной экологии может быть интерпретирована как построение интегральной теоретической модели такой нелинейной системы, как биосфера в единстве ее биотических, абиотических и антропогенных характеристик. К такой постановке задачи экологическая наука пришла не сразу. Можно выделить три этапа последовательного усложнения предмета исследования. На первом акцент делался на изучение закономерностей функционирования биотического компонента в системе взаимосвязей организма и среды. На втором этапе предметом анализа становится биосфера в единстве ее биотических и абиотических структур. При этом, как правило, эволюция биосферы исследуется вне учета техногенной деятельности человека. Третий этап связан с разработкой концептуальных моделей коэволюции человека и биосферы, т.е. предполагает системное описание ситуаций взаимодействия общества и окружающей среды.

Подход, формирующийся в новой становящейся науке, исследователи обозначают разными терминами, как системная, холистическая, синергетическая парадигма, как экологизация науки. Но все эти обозначения по существу «схватывают» разные аспекты одного явления через отказ от дуалистического мировосприятия, формирование новых отношений «Человек — Природа». В западноевропейской культуре «модель заменила эйдос», рационализм ориентировал на познание сущности и выявление универсальных законов, объективных истин. Сегодня объективистская позиция, т.е. отношение к миру как к чему-то внешнему, сменяется иной позицией, в которой мир и человек едины. Анализируя особенности экологического мышления, исследователи указывают, что одним из признаков экологизации естествознания является отказ от представлений, согласно которым природа — это кладовая богатств и объект нашего знания, а затем уже все остальное. Экологическое мышление развивает понимание природы как сис-

темы организмического типа, спонтанной, живой, самоорганизующейся, не как сущности, а как существа. Последний аспект подчеркивается, например, в работах Ф.И. Гиренка. Экологическое мышление, развивает понимание того, подчеркивает он, что у знания нет примата по отношению к жизни. Во всяком случае жизнь человека равно как и среда его жизни — это не предикат знания. Наоборот, люди сначала должны жить, а потом уже они способны что-то знать о своей жизни. Рассматривать природу не логически, а бытийно, не как объект, а как среду жизни, избавляясь от противопоставления сущностей и существования, фактов и необходимости. Мир, как объект, полностью определен законами. Мир, как индивид, как существо, спонтанно доопределяется.

Другой аспект экологизации естествознания в том, что объектами современной науки становятся «человекообразные» объекты, такие как «окружающая среда», «биосфера». Познание такого рода объектов невозможно с позиций внешнего наблюдателя. Современная наука констатирует взаимосвязь всего сущего и прежде всего человека с его экосистемой. Природа — предельно расширенное «Я», а «Я» есть природа.

Третий аспект экологизации естествознания связан с коэволюционной концепцией, где коэволюция — совместная, сопряженная эволюция системы и ее среды, есть новая трактовка эволюции природы. Поясняя суть коэволюции, В.А. Кутырев указывает на связанность компонентов коэволюционного комплекса друг с другом не единством субстрата, а единством функции. Внешней среды для природного комплекса, составляющие которого эволюционируют совместно, как бы нет, она трансформируется в сеть взаимосвязей компонентов.

В рамках коэволюционной концепции имеются способы взаимодействия человека с внешним миром. Деятельностная установка ориентирована на переделку природы, прогрессистский рационализм — на овладение ресурсами, знанием, истиной. Коэволюционный подход не исключает деятельностного отношения к миру, однако трансформирует целевые установки. Целью становятся не внешние ценности, не прогресс как самоцель, а человек. Учение о человеке, философская антропология претерпевает движение в сторону духовности как реального фактора бытия, как участника эволюционной динамики [5].

В работах В.А. Кутырева, Ф.И. Гиренка, Т. Роззака, Б. Калликота показана взаимосвязь экологии природы и экологии духа. Приведем несколько ярких высказываний. Техногенная культура имеет своим продуктом не только «расхристанную» природу, развитие человечества по техногенным стандартам, пишет В. Кутырев, это путь на Голгофу, путь к потере себя, к постчеловеку. «Долгое время было принято считать, что существуют бессмертные души и бранные тела. Но коварство безбожного технического мира в том, что души людей умирают раньше, оставляя после себя функциональные оболочки, которые и действуют — постчеловека» [2. 138]. Следствием того, что человек признает господство над собой «технологического императива» становится перерождение культуры в текстуру.

«Текстура» — предложенный В. Кутыревым термин — гибрид от «культура» и «техника». Текстура — это культура искусственного мира, культура постчеловека.

Многие авторы связывают глобальный кризис современности с анализом постмодернизма — стиля современной эпохи. Ж.-Ф. Лиотар назвал постмодернизм антитезой всей современной истории, выделив такие его черты: плюралистичность мира вместо монизма; апология расщепленной личности вместо автономии индивида; богоотступничество вместо веры.

Однако деконструктивизм постмодернизма, как это ни парадоксально на первый взгляд, может обернуться необходимым шагом, который делает эволюция на своем пути при переходе к новому витку развития. Постмодернизм, являясь идеологией конца субъекта или атомарного индивида, готовит переход к новому экологическому сознанию, формирует личность, ориентированную на ценность коллективного бытия. Черты такого мира слагаются в современной науке. Явления коэволюции — сопряженной эволюции, синергетика, изучающая совместные, кооперативные процессы, системный подход и холистическое мировидение, глобальный эволюционизм и экологизация естествознания — таковы реальности современной науки.

Инвайроментализм, опираясь на эволюционно-синергетическое видение реальности, предлагает «децентрализованное социальное устройство». Один из организаторов экологического движения в США Б. Токар, предложил новый проект общественного устройства, который назван автором «биорегионализм». Биорегион — это область, определяемая не политическими границами, а естественными, биологическими и геологическими особенностями. Биорегионализм предполагает разрушение «племенного», «кланового» сознания, разрушения наций. Биорегионализм предполагает также прекращение господства западной культуры над прочими формами культуры.

Этот проект также подтверждает социально-ценностное значение современной науки, то, что современная научная идеология формирует общественную идеологию.

Подводя итог, замечу еще раз, во-первых, конструктивный постмодернизм обращается к современной науке, именно в ней обнаруживая свидетельства неадекватности современного мировоззрения и одновременно зародыши нового, грядущего постсовременного мировоззрения. Во-вторых, экологизация науки способствует тому, что вырисовываются контуры оптимистического сценария современной истории через смену «племенного» (патриотического) сознания экологическим сознанием, этикой ненасилия.

В-третьих, наука участвует в формировании холистического, системного мировидения, разрушая декартовский дуалистический каркас мира, наука имеет свое лицо. Закончу словами известного философа С. Тулмина: «Мы больше не живем в «современном мире». «Современный мир» — вещь прошедшая. Даже сегодняшнее естествознание не является более «современным». Оно быстро становится «постсовременным», наукой о «постсовременном» мире, о «постнацио-

налистической» политике и «постиндустриальном» обществе, о мире, который еще не нашел, как определить себя в терминах того, что он есть, но уже знает, чем он только что перестал быть. Придет время, и переход современной науки в постсовременную отразится в соответствующих изменениях в философии и теологии; в частности «постсовременные» позиции и методы, вырабатываемые сегодня учеными, повлияют также и на возможное воссоединение естествознания с естественной теологией». [7. 254] И мы теперь начинаем, наконец, видеть существо этого влияния

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев А. С. Десять лет спустя о творческой судьбе С. А. Рубинштейна // Вопросы философии. 1998. №11. С. 43–69; Арсеньев А. С. Глобальный кризис современности и Россия // Континент. 1992. №3.
2. Кутырев В. Естественное и искусственное: борьба миров. Нижний Новгород, 1998.
3. Лекторский В. А. Духовность и рационализм // Вопросы философии. 1996. №2
4. Стелин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996
5. Черникова И. В. Новые реальности мира и проблема человека // Философия как учение о человеке. Томск, ТГУ, 1995. С. 167–184.
6. Экология: человек и природные системы. М., 1990.
7. Toulmin S. The Return to Cosmology: Postmodern Science & The Theology of Nature. Berkeley, 1982. 283 p.

Исследование выполнено по гранту РФФИ № 80119.

Н. П. ЛУКИНА

Интегральная роль социокультурной стратегии в современном научном познании

Современный мир, отмеченный многообразием культурной морфологии, ставит перед социогуманитарными науками проблему концептуализации общественного состояния как целостности. Исходя из тезиса о доминирующем влиянии науки на общественное развитие и примат культурной составляющей социальных действий, проблематизируется статус знания в социальной структуре и создание парадигмы для интерпретации культуры как основы социогуманитарного знания. Определение актуальной области исследования инициирует поиск соответствующей методологии. Среди тенденций намечается поворот к методологии «мягкой» системности как исследовательскому инструменту в социогуманитарных науках, что свидетельствует о парадигмальном сдвиге к синтетическим приоритетам мышления. Познание в рамках методологии «мягкого» синтеза настраивает на антропологические и лингвистические параметры рассматриваемых объектов, а яд–